

не с к о л ь к о дублетов одного и того же календарного термина. Неправильно поэтому поступает автор, исправляя в некоторых случаях на основании манихейско-согдийских¹ (т. е. восточносогдийских) терминов данные других документов. Едва ли можно согласиться с исправлением, например, приведенного у ал-Бируни в его (Athār-ul-Baḳīya названия 10-го месяца *مِسْفَوغ* на *میش فوغ* только на основании манихейских документов, где это название действительно звучит *msβwγyč*. Не говоря уже о том, что изданная в 1934 г. астрология ал-Бируни² подтверждает *مِسْفَوغ* ранее названного сочинения того же ал-Бируни, [это же название в [форме *msβwγyč* совершенно отчетливо представлено в одном из неизданных документов нашего собрания³.

Несмотря на отдельные, совершенно понятные в трудной работе по изданию и интерпретации согдийских документов промахи, уточнения проф. Henning'a представляют дальнейший шаг по этому вопросу.

Участие в этой работе возможно большего числа специалистов и критика, преследующая интересы науки, в высшей степени желательны.

Проф. А. Фрейман

Мальти-Дорион

(Поселение эгейского периода в западной Мессении)

«*The Swedish Messenian expedition by M. NATAN VALMIN, 1938 (Skrifter utgivna av Kungl. Humanistiska Vetenkamsamfundet i Lund, XXVI), Lund, 1938, 484 стр. in 4°, 7 планов, 5 цветных таблиц, 32 таблицы и 100 илл. в тексте.*

I

Раскопки, производившиеся с 1926 г. шведской экспедицией под руководством Валмена (Valmin) в западной Мессении (юго-западная часть Пелопоннеса), археологически оставшейся до сих пор совершенно неисследованной, дали весьма ценные результаты, о которых сообщает недавно опубликованный обстоятельный и хорошо изданный отчет. В этом же томе помещены отчеты о раскопках греческого храма на реке Памиз, в нижней части мессенской равнины (стр. 417—467), и также сведения о находке римской мозаики времени Нерона около Корони у юго-западной оконечности Мессенского залива (стр. 467—477).

Мальти представляет небольшое плато на северном отроге горного хребта (совр. Рамовуни) на высоте 280 м над уровнем моря и 151 м над уровнем современной железной дороги около дер. Василико.

Валмен рассматривает Мальти как Дорион, отмеченный уже в Илиаде (II, 594) и упоминаемый Павсанием (IV, 33, 6—7)⁴.

Мальти-Дорион, благодаря своему расположению, господствовал над плодородной, хорошо орошенной и еще недавно покрытой дубовыми лесами верхней частью холмистой мессенской равнины, образовавшей в античное время восточный угол Трифилии.

Невысокие горные хребты отделяли на юге Мальти-Дорион от знаменитой Итомы и Мессены.

¹ А именно они, а не «национально»-согдийские и составляют основу Берлинского собрания согдийских документов, издаваемых автором.

² «The book of instruction in the elements of the art of astrology». London, 1934.

³ 84 № 4 *trγwn MLK' 10 srδ'γm'γy msβwγyč* «*trγwn* царь 10 лет есть месяца *msβwγyč*».

⁴ О Дорионе, о котором упоминают некоторые греческие надписи, Валмен подробнее говорит в своей работе: Valmin, *Études topographiques sur la Messénie ancienne*, Lund, 1930. Также: «Ein Messenisches Grenzkastell und die arkadische Grenzfrage» в издании: *Skrifter utgivna av Svenska Institutet i Rom, 1937—1938.*

В отчете Валмена особенно интересна ясная в главных чертах и живая история поселения в Мальти в его важнейших изменениях на протяжении свыше 1500 лет существования (ок. 2500—1000 г. до н. э.). Следует заметить, что Валмен, побуждаемый некоторыми существенными особенностями Мальти (например, длительно е сохранение неолитических черт, отсутствие металлических изделий в древнеэлладском I периоде, чрезвычайно слабо выраженный среднеэлладский III период, мало выраженный позднеэлладский II период), предлагает (стр. 411) несколько укороченную датировку отдельных основных периодов, хотя соглашается видеть завершение элладского, т. е. эгейского, доэллинического периода около 1000 г. до н. э., как это устанавливается без видимых исключений и для других мест Греции.

Желание Валмена дать для Мальти местную хронологию в пределах общего исторического развития материковой Греции вполне законно. Однако абсолютные даты отдельных периодов недостаточно убедительны, так как они устанавливаются Валменом не столько на основании новых находок египетского или критского происхождения, сколько на основании предположительных расчетов, путем сравнения с принятыми датировками других мест материковой и островной Греции.

Валмен датирует Мальти-Дорион следующим образом:

- I. Неолит—до 2500.
- II. Древнеэлладский—2500—2200.
- III. Среднеэлладский—2200—1800.
- IV. Позднеэлладский—1800—1000.

В течение указанных периодов Мальти-Дорион пережил, как отмечает Валмен, эпоху «древнейших поселений» и эпоху средне-и позднеэлладских «городов». Таким образом, история поселения рисуется в следующем виде.

А. Эпоха древнейших поселений—«деревень» до 2200 г. до н. э.

Д о р и о н I—поздний неолит, постепенный переход к Д(ревне) Э(лладскому) I, который выступает как «субнеолитическая» эпоха (стр. 31; 400). Древнейшее поселение представляло собою «простое скопление отдельных хижин» (стр. 399) овальной или апсидовидной местной формы и небольших размеров (например, 4 м [длины, 4 м ширины). Население занималось охотой и, быть может, овцеводством (стр. 399).

Д о р и о н II—поселение времени ДЭ II и III отличалось от первого преобладанием «прямоугольных домов», появление которых Валмен рассматривает как «нововведение и занос» с Крита или Кипра (стр. 403), с чем никак нельзя согласиться: переход от криволинейных к прямоугольным постройкам представлял в материковой и островной Греции закономерный процесс, обусловленный достигнутой степенью общественного развития, и не зависел от заноса извне новых строительных форм. Сходные явления обычны и в средней Европе времени Дориона II и вне ее.

Этнографические данные прекрасно отмечают этот процесс, например, для североамериканских индейцев (см. М о р г а н, Дома и домашняя жизнь американских туземцев, Л., 1934). Валмен описал остатки 19 прямоугольных домов ДЭ II—III.

Древнеэлладский период «закончился внезапно» (abruptly, стр. 400). Однако, отмечает Валмен (стр. 53), не следует думать, будто все население было изгнано или уничтожено. Некоторая часть старых построек продолжала существовать. Вообще «культура древнеэлладской деревни была в некотором роде сходна с культурой, введенной ее разрушителями» (стр. 53). Однако Валмен не может доказать наличия вооруженных столкновений и вторжения завоевателей. В это же время он констатирует, как бесспорный факт, рост населения, которое не могло уже разместиться в прежних небольших хижинах и уцелевших домах.

*Б. Эпоха «городов»—2200—1000 гг. до н. э.**а. Среднеэладские города—Дорион III и Дорион IV*

Д о р и о н III относится к среднеэладскому I периоду. После разрушения древнеэладской деревни на ее месте и занимая, видимо, ту же площадь, возникло новое, кратковременно существовавшее поселение (стр. 404) на протяжении СЭ I.

Дорион III показывает новую, отличную от прежней, планировку поселения и новые приемы строительства домов. Поселение Дорион III, оставаясь неукрепленным, состояло, главным образом, из криволинейных домов, среди которых находились апсидовидные, напоминающие дома Термоса в Этолии, или «овальные, сложно составленные» жилища.

Новые группы построек были «рассыпаны» преимущественно на участках, занятых прежними домами.

Из построек СЭ I особого внимания заслуживает расположенный в юго-западной части поселения «составной» овальный дом, представляющий пока первый пример этого рода построек: она возникла от соединения двух апсидовидных домов. Возникший таким образом крупных размеров дом (длиной 11,35 м и 5,70 м ширины) напоминает известный овальный родовой дом (как его уже определил Ксантудидис) в Хамаизи на Крите среднеминойского I периода (т. е. ок. 2100—1900 гг. до н. э.).

Интересно, что стены одного дома (В I и В 3) в Дорионе III (ок. 0,80—0,65 см толщ.) были сложены, как в Кносе, из крупных, хорошо отесанных блоков (до 1 м дл.), расположенных в два параллельных ряда с заполнением свободного пространства между ними мелким камнем (стр. 55). Не менее интересен восточный вход в дом В 1—3, который был сооружен из крупных плит, как это было и в более поздних постройках в Микенах:

Д о р и о н IV—«укрепленный город», среднеэладского II периода, представлявшего время расцвета поселения.

В СЭ II были произведены существенные новые изменения поселения, принявшего свой окончательный вид. Характерными чертами нового поселения является единая и одновременно проведенная планировка поселения с его 320 постройками. «Город», защищенный стеной, разделялся на три части:

А. Центральная часть на главной террасе плато, в форме большого и удлиненного овала, была занята «дворцом» (дл. 138,80 м и шир. 84,40 м), напоминающим упомянутый выше дом в Хамаизи. Северная часть центральной террасы представляет «промышленный квартал» (стр. 54). Здесь, между прочим, жил, работал и занимался торговлей «кузнец, мельник и гончар»—«человек на все руки», как его определяет Валмен. Эта часть города была защищена особой стеной. Эту же часть Валмен сравнивает (стр. 54) по первому впечатлению с Тиринфом III.

Б. Вторая часть города представлена постройками, тянувшимися в один или два ряда вдоль внутренней стороны городской стены. В некоторых пунктах эта «гирлянда» домов соединялась с центральной террасой линией домов или стен.

В. Третья часть города состояла из трех открытых широких участков, служивших для выпаса скота и местом общественных собраний.

Среди построек выделяются группы сооружений: а) о б о р о н и т е л ь н ы е—городская и «дворцовая» стены с башнями и пять защищенных городских ворот; б) ж и л ы е—для различных «классов» населения; в) х о з ы й с т в е н н ы е—«амбары» вдоль западной стены, крытый источник; г) о б щ е с т в е н н ы е—открытые места для собраний, мегарон раннего среднеэладского типа (постройка С 4б); д) к у л ь т о в ы е—культовые помещения в центральной части, «могильный круг» у южных ворот. Явно преобладают прямоугольные постройки, среди которых появляется мегарон «простейшего» вида (вышеупомянутое помещение С 4б северо-восточной части).

Валмен, на основании перечисленных черт, рассматривает Дорион IV как укрепленный город, который «был, несомненно, задуман и расположен по воле некоего повелителя, выявляя картину социальных отношений и условий жизни небольшого про-

винциального города» (стр. 22). Сам царь и его семья жили в упомянутом выше дворце.

Характерно при этом, что Валмен, модернизируя далекое прошлое, испытывает в то же время потребность в смягчении своих выражений—он берет нередко в кавычки такие термины, как «царь», «царь Дориона», «дворец», «кузнец, мельник и гончар», особого рода торговцы. Также относительно социального положения кузнецов, мельников и гончаров (без кавычек) Валмен замечает, что это положение «является, конечно, гипотетическим» (стр. 97: *The social state of these workmen is of course hypothetical*). Однако все же «не невозможно» (стр. 98), что женщины и мужчины, работавшие по распоряжениям владыки города, были его «личными рабами» (стр. 98).

6. Позднеэлладский город—Дорион V

Д о р и о н V (стр. 16 и 169—185). Последнее изменение поселение испытало в позднеэлладском периоде. Среднеэлладский «город» постепенно «трансформировался», как замечает Валмен, «в микенский город» (стр. 163). Одновременно и «среднеэлладская культура почти незаметно превратилась в позднеэлладскую» (стр. 406).

Для Дориона V характерна не столько новая строительная деятельность, сколько исправление стены, перестройка и переделка прежних среднеэлладских домов и приспособление их к новому плану поселения. Новых домов было выстроено немного (стр. 173—185). Из них особого внимания заслуживает постройка единственного в Мальти настоящего «микенского» мегарона, расположение которого с прилегающими к нему помещениями весьма напоминает мегарон в Микенах, как он выступает теперь, после дополнительных раскопок английской школы. Затем чрезвычайно интересны группы построек ПЭ III на западном склоне (стр. 180—185), представлявших собою отдельно стоящие дома. Один из них (В 33—38 и 45) «может служить лучшим примером небольшой мезы микенского периода» (стр. 183). Параллельно, как мы полагаем, может служить «усадебя» позднеминойского III в Гурниа.

Сказанное отчетливо выступает в плане поселения. В ПЭ время Мальти—Дорион состоял из нескольких небольших групп домов, расположенных на некотором расстоянии друг от друга. Наиболее крупной группой являлись упомянутые постройки с мегароном.

Основная масса населения в Мальти, как и в других областях Греции позднеэлладского III периода, жила в поселениях на равнине в окрестностях Мальти, о чем свидетельствует отмечаемый Валменом подъемный материал.

С ПЭ III заканчивается наше знакомство с Мальти—Дорионом—от послеегейского времени в поселении обнаружен лишь один обломок сосуда, быть может, протогеометрического, т. е. раннеархаического периода (стр. 326, рис. 70).

Весьма ценные результаты дали также раскопки 47 погребений (в большинстве случаев детские). Погребения (стр. 186—235) разного вида (простые грунтовые могилы, могилы, полностью или частично обложенные камнями, «каменные ящики», погребения в сосудах-пифосах, «урнах», купольные гробницы) своеобразно отражают в различных обрядах захоронения характерные изменения, происходившие в течение основных периодов существования Мальти—Дориона.

Древнейшие могилы (12 могил) представляли места коллективных погребений (стр. 232). Одиночные могилы были редки. Одну такую могилу (№ XXXIX, рис. 32) Валмен склонен рассматривать как первый пример появлений в материковой Греции «ящичных погребений», неосновательно приписываемых какому-то никогда не существовавшему «народу одиночных могил» (*Volk der Einzelgräber*).

В среднеэлладском периоде (32 могилы) Валмен отмечает в погребениях «соединение двух обычаев», чем еще раз доказывается «непрерывность развития между обоими периодами» (т. е. между ДЭ и СЭ). Древний обычай коллективного погребения продолжал существовать, причем его значение подчеркивалось также тем, что многие могилы были объединены в небольшие группы, указывающие на погребение в них членов одной и той же семьи (стр. 233).

Наряду с этим преобладающее значение имели одиночные погребения. Однако и в этих случаях сохранялась связь с коллективом, проявляясь в том, что могилы детей и взрослых устраивались в стенах домов, под порогами и около очагов. Иногда около могил сооружались культовые колодцы для приношений, как в Драхмени в Фокиде или около IV шахтовой могилы в Микенах среднеэллиадского III периода.

В позднеэллиадском периоде (12 могил) выступают наиболее резкие изменения в погребальных обычаях. Наряду с простыми погребениями разного вида, в том числе и в «каменных ящиках», и как контраст с ними появляются купольные могилы, расположенные, как и в других местах, вне поселения и образовавшие «могильники князей Мальты» (стр. 223). Несмотря на небольшие, по сравнению с микенскими, размеры «провинциального типа», купольные гробницы в Мальти-Дорион все же представляли монументальные сооружения и отличались сравнительным богатством погребального инвентаря (остатки украшений из золота и стекловидной пасты, бронзовых предметов, в том числе наконечник стрелы).

Среди остатков жилищ и в погребениях, а также вне их в различных местах поселения Валмен обнаружил весьма разнообразный археологический материал.

Валмен дал во всех случаях, когда это было возможно, чрезвычайно важное описание стратиграфии находок, обнаруженных в помещениях вскрытых сооружений. Благодаря этому оказывается возможным составить более или менее отчетливую картину быта обитателей Мальты, а также сделать некоторые наблюдения над степенью их материального благосостояния.

Некоторое количество обнаруженного зерна пшеницы, обилие зернотерок, находимых почти в каждом доме, сосуды для хранения зерна, каменные и роговые мотыги свидетельствуют о занятии земледелием. Обнаруженные кости домашних животных указывают на развитие, главным образом, овцеводства, как думает Валмен. Кости крупных домашних животных и обломки статуэток быка говорят также о разведении крупного рогатого скота, а также лошади или мула. Наличие рога и кости диких животных указывают на значение охоты в жизни обитателей Мальты-Дориона. Завозной материал (например, обсидиан) и многочисленные весовые знаки говорят о сношениях и меновой торговле с различными областями восточного Средиземноморья.

Из отраслей домашнего производства особенно полно, как это обычно бывает при раскопках, представлена керамика, в подробное рассмотрение которой в рецензии общего характера входить невозможно: керамике из новейших мест раскопок в материковой Греции следовало бы посвятить специальную статью ввиду значительной новизны накопившегося материала и важности выяснившихся вопросов (например, «адриатическая» керамика, которая, по моему мнению, совпадает с керамикой с цветной поверхностью из неолитических слоев Кноса, «минийская» керамика, и т. д.). Отмечу лишь, что в общем керамика Мальты в основной своей массе во многих случаях позволяет делать сближение с керамикой различных областей Дунайского бассейна.

Обычные простые грубые орудия производства и оружие из камня, рога и кости встречаются как ведущие виды орудий на протяжении всех периодов Мальты-Дориона.

Изделия из бронзы редки: известны одиночные топоры, в том числе небольшой двойной топорик, долота, ножи, пилы, иглы, наконечники стрел и копий, кинжалы.

Куски железной руды местного происхождения и предметы из железа (например, кинжал, нож) относятся к позднеэллиадскому III периоду.

Из предметов, рисующих духовную жизнь, дошло чрезвычайно мало: известна неолитическая женская сидящая статуэтка с отверстиями для подвешивания, обломки статуэток животных, небольшой обломок резной кости с неясным изображением (мужская фигура и дикое животное) и бронзовое кольцо со спиральным узором.

Исключительно интересны обнаруженные знаки письменности на 28 обломках глиняной посуды ДЭ и ПЭ периодов (стр. 389—397). Двадцать пять восстановленных знаков письменности, дополняющие недавние находки письменности в Фивах и Элевсине, интересны не столько тем, что некоторые из них, несомненно, близки критским, сколько тем, что дают повод Валмену поставить вопрос об отношении наиболее поздних

доисторических знаков письменности к древнейшим письменным знакам Греции (стр. 397), давно известным, но мало привлекавшим к себе внимание исследователей.

Вопрос, выдвигаемый Валменом, назрел: необходимо привлечь к вопросу о происхождении греческого письма не только восточно-средиземноморский, но также материал балканских и прилегающих (например, Румыния) стран Апеннинского полуострова и Средней Европы, начиная с неолита.

Интересны в Мальтѣ также многочисленные весовые знаки (стр. 377—388).

Во всех археологических находках Мальтѣ характерна необычайная устойчивость видов и форм орудий производства «фермеров и овцеводов» Мальтѣ (стр. 40). Валмен по этому поводу дважды справедливо отметил, что «по существу обитатели города Мальтѣ на всем протяжении существования поселения продолжали жить в некоторых отношениях жизнью неолитического человека» (стр. 338). Таким образом, взятые в целом орудия и предметы из рога и кости «иллюстрируют жизнь и стремления городка небольшой области, городка, в котором живут грубые охотники и простые женщины» (стр. 360).

Подобная характеристика в общем близка к действительности и объясняет кавычки, в которые Валмен берет «князей» и «ремесленников».

II

Раскопки шведской экспедиции в Мальтѣ дали разнообразный и весьма ценный материал, значительно обогащающий знакомство с эгейским периодом, особенно в отношении поселений и жилищ догреческого населения западного Пелопоннеса.

Однако, несмотря на правильность наблюдений, предлагаемые Валменом объяснения возникновения поселений и причин их изменения нам кажутся несостоятельными и полными противоречий.

Прежде всего, порочен господствующий прием объяснять каждое более или менее крупное изменение в Мальтѣ переселением новых воинственных племен, подчиняющих себе основное население.

Если поверить Валмену, неолитическое население Дориона I было «греками», которые, оказывается, «археологически говоря, были так же древни, как искусство изготовления горшка из глины» (стр. 338). Таким образом, как еще дважды подчеркивает Валмен, в Дорионе I жили уже «в известном смысле греки» (the neolithic population of Greece was already in some respects «greek», стр. 404), иными словами: «минойское население, кажется, было так же древне, как первые следы человека, т. е. греки были тем, чем они себя считали: автохтонами» (стр. 404).

Кажется при этом странным, что коренное, автохтонное население Греции пользовалось древнейшей «адриатической» керамикой (стр. 399). Оказывается, что эта керамика была занесена в Пелопоннес какой-то «мальтийской», переселенческой волной, шедшей из Адриатики или вытекавшей из южной или центральной Европы. В этой странной теории мы видим один из новых вариантов «северного» происхождения греков.

Дорион II возникает также под влиянием переселения—на этот раз появляются чужаки в виде таинственного «древнеэлладского народа» или «пришельцев с расписной полированной посудой» (стр. 402). Старое население частью было временно вытеснено из Мальтѣ, а частью, в лице «наиболее зажиточных», осталось сотрудничать с завоевателями.

Благополучное существование длилось, однако, недолго—древнеэлладский период резко прерывается.

Новая волна «завоевателей», именно, «среднеэлладские завоеватели» (стр. 403) устанавливают Дорион III и расширяют его в форме Дориона IV. И, удивительное дело, теперь к жизни вновь возвращается вытесненное несколько столетий назад из Дориона II прежнее население, «получившее новые силы и импульсы» от новой волны завоевателей, происходивших из тех областей, откуда прибыли первые насельники.

Таким образом, среднеэлладские завоеватели, принесшие в среднеэлладский I удлинненные апсидовидные дома, являлись тоже греками, но какого-то второго рода.

Новые завоеватели, почему-то называемые «адриатическими» (стр. 410), создали также Дорион IV. Обитатели его представляли собою простое местное население (the inhabitants have been simple country men, стр. 410), судя по их орудиям.

Все же обитатели Дориона IV не сидели мирно вокруг своих домашних очагов, обнесенных каменными плитами, и не занимались все время разведением крупного рогатого скота. Они принимали участие в экспедициях (чых?) против Эгейских островов (стр. 410). После того как завоеватели «нанесли визит Криту и ознакомились там с более высокой культурой», они вернулись в материковую Грецию, где стали строить дома по критскому образцу, быть может, с помощью архитекторов и рабочих, которых они могли захватить с собою как военнопленных (стр. 403).

Все эти завоевания, знакомство с критской культурой и завоз кикладской посуды с врезанным орнаментом (стр. 410) не принесли пользы для развития жизни Мальты: Валмен отмечает (стр. 406—407), что Дорион V в течение микенского времени «медленно вырождается вследствие не очень ясных причин. Вырождение, однако, зашло далеко и оказало влияние даже на систему укреплений, что облегчило захват и уничтожение микенского города.

Разрушение, положившее конец Мальты-Дориону, находит объяснение либо во вторжении дорийцев, либо в реакции местного населения против влияния господствовавшей (видимо, чуждой) микенской культуры и ее, вероятно, аргосских носителей, или вследствие местных каких-то конфликтов» (стр. 406).

Однако вырождение Мальты могло произойти и вследствие следующей весьма неожиданной для читателя причины: оказывается (стр. 407), что обитатели местного происхождения, населявшие Мальту, были противниками восточных стилей—они, можно сказать, были представителями западноевропейской культуры, противостоявшей усилиям завоевателей, т. е. носителей чуждых древнеэлладской и микенской культур, «инфильтрировать» эти культуры в местную автохтонную (чем реально представленную?) культуру Мальты.

В противоречии с этим стоит объяснение на той же странице (стр. 407), что уничтожение древнеэлладских и позднеэлладских поселений было вызвано «завистью соседей», взиравших на жизнь «фермеров и скотоводов» богатой и плодородной местности Мальты, процветавшей под управлением «царя Дориона», который, «конечно, был не из самых бедных в это время» (стр. 407).

История Дориона V закончилась плачевно: «пятый город был разрушен, а его обитатели прогнаны прочь (the inhabitants were driven away). Но враг не знал завоеванного города. Не жил ли он (т. е. завоеватель) где-нибудь поблизости, в Лаконике, или Аркадии, или в Элиде?» (стр. 410).

Такова, по мнению Валмена, была история поселения Мальты-Дориона.

Отдавая должное отличию проведенным раскопкам и признавая справедливость многих наблюдений Валмена над фактическим материалом, мы совершенно иначе, чем Валмен, оцениваем ход исторического развития Мальты-Дориона.

III

В объяснениях Валмена истории поселения в Мальты-Дорионе явственно выступают модернизация доисторического прошлого и безудержный миграционизм, влекущий за собою неизбежный расизм, проявляющийся у Валмена в завуалированном виде защиты исторического приоритета Западной Европы перед Востоком.

В этом отношении характерны три положения, отмеченные нами уже при изложении концепции Валмена: 1) исконное, по мнению автора, население представлено «неолитическими греками», переселившимися в Пелопоннес из Западной Европы; 2) «инфильтрация» восточных элементов в течение древнеэлладского и микенского периодов ослабляла силу исконного народа западноевропейского происхождения; 3) эллинская культура, пришедшая на смену выродившейся микенской культуре, была подготовлена реакцией местного населения (т. е. «неолитических греков») против засилья чуждой расы и вторжением с севера дорийцев.

Концепция Валмена не столько вытекает из прекрасно добытого и собранного материала, сколько подводит археологические факты к готовым их объяснениям и в определенном при этом направлении.

Если оставить выводы Валмена в стороне и пользоваться лишь собранным автором и в большинстве случаев удачно описанным материалом, то основная линия развития Мальтй-Дориона вкратце рисуется нам в следующем виде.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что речь должна идти о Мальтй как поселении, изменявшем свой внешний облик на протяжении всего длительного существования под влиянием различных, исторически обусловленных причин: иными словами, нельзя противопоставлять Мальтй как древнейшее поселение городу Мальтй.

Город, характерный для Греции, выступает в форме полиса, о времени возникновения которого до сих пор еще происходит оживленная дискуссия между западноевропейскими исследователями¹.

Данные раскопок Мальтй в описании самого Валмена не дают, однако, достаточно серьезных оснований находить в Мальтй классовое общество. Мы не раз отмечали, что Валмен затрудняется говорить в категорической форме о городе и о царях.

Археологический материал показывает однообразный состав предметов, обнаруженный в домах в различных частях поселения и «дворцового» помещения и ничем в этом отношении не отличающийся от остального поселения.

Мальтй-Дорион принадлежит, по нашему мнению, к ранней истории Греции до образования рабовладельческого государства. С этой точки зрения отлично описанные на основании фактического материала периоды Мальтй представляют собою весьма отчетливую в исторической последовательности смену этапов, характерных для различных ступеней варварства и его разложения. В этом смысле история Мальтй-Дориона представляет собой живой пример не сухого и отвлеченного прямолинейного развития, нарушенного набегами и завоеваниями со стороны никогда не существовавших племен, но диалектического развития, при котором один этап отличается от другого качественными изменениями родового общества.

В этом смысле понятна история Мальтй: Дорион I и II представляют характерные для низшей ступени варварства не защищенные поселения, состоящие из родовых домов. Дорион III и IV отличаются от первых поселений переходом увеличившегося численно населения на более высокую ступень общественного развития, проявившегося с особой силой в укрепленном Дорионе IV.

Характерно при этом, что и «дворцовые» помещения Мальтй, как мы отмечали, мало в чем отличались от остальных домов. Кроме того, нельзя не отметить, что овальные постройки, соединенные в группы, были объединены с «дворцом».

Дорион IV представляет собою, как мы полагаем, единое общинное поселение, состоящее из родовых групп различной степени благосостояния.

Дорион V ни в какой степени не является временем вырождения, — наоборот, это высшая ступень варварства. Дорион V представляет собою один из местных вариантов «героического века» Греции.

Наличие земледелия и скотоводства с разведением крупного рогатого скота и наличие лошади (или мула), бронзовые изделия, использование письменности заставляют в Дорионе III и IV видеть поселения с чертами, характерными для средней и высшей ступени варварства.

Большое значение раскопок в Мальтй заключается не только в том, что мы имеем возможность ознакомиться с Мессенией эгейского периода: Мальтй с его отчетливо проведенными раскопками становится в один ряд, сохраняя свои местные отличия,

¹ Например: F r i t s c h, Die Stadtsbildungen des Altertums und die griechische Polis. «Klio», 1929, № 1—2, стр. 1—83; E h r e n b e r g, When did the polis rise? JHS, 1937 (t. LVII), № 2, стр. 147—160.

с недавно исследованными поселениями, например, как Эвтресис (южная Беотия), Зигурис в долине Клеон, Бербаги-Просимна в Арголиде, Гойна около Коринфа и др.

В свете раскопок в Мальти становятся более понятными также и «местные истории» развития Тиринфа и Микен, Фив и Олимпии, Элевсина и Афин в древнеэллинистическом, средне- и позднеэллинистическом периодах.

Проф. Б. Богаевский

Аннотации иностранных журналов за 1938 г.

«AMERICAN JOURNAL OF ARCHAEOLOGY». Vol. XLII

№ 1, January—March 1939

O. B r o n e e r, Recent Discoveries on the North Slope of the Acropolis in Athens, стр. 161—164. Сообщение об открытиях, сделанных весной и летом 1937 г. на северном склоне афинского Акрополя, к югу от старого Каподистрийского университета.

Наиболее интересной находкой здесь были 190 острака с именем Фемистокла, сына Неокла; они являются свидетельством агитации противников Фемистокла, прибегавших к предварительной заготовке назначенных к публичной раздаче острака с его именем¹.

T. L. S h e a r, Latter part of the 1937 campaign in the Athenian Agora, стр. 1—16. Во второй половине раскопочного сезона 1937 г. был окончательно расчищен храм Ареса и точно выяснен его периметр. Сделано много интересных находок, в том числе скульптуры (голова статуи Афродиты школы Праксителя, статуэтка Кибелы, портретная скульптура позднеимперского времени и т. п.). Расчищен значительный участок Валериановой стены, и найдены в ее основании монеты 70-х годов III в. н. э., важные для ее точной датировки.

Отмечается ряд керамических находок от поздне-неолитического и раннеэллинистического периода (в нескольких весьма древних колодцах) и до фигурных сосудов римского времени. Найдены бронзовые гири V в. до н. э. с надписями ΣΤΑΤΕΡ, ΤΕΤΑΡΤΕ, ΗΜΙΤΡΙΤΟ. Наконец, отмечается большое количество (около 5 000) новых надписей, из которых многие имеют большое историческое значение: получены новые данные для истории афинского календаря, дополнили список плательщиков форося, а также получены новые обломки списка архонтов. Было найдено несколько новых обломков стелы со списком продаваемых с аукциона вещей из имущества Алкивиада и других гермокопидов. Надписи опубликованы в *Hesperia*.

A. M e d e a, Mural Paintings in some Cave Chapels of Southern Italy, стр. 17—29. Статья посвящена анализу и датировке фресок некоторых южноиталийских (апулийских) церквей X—XIII вв. в Бари, Таранто, Лечче и Бриндизи.

H. G o l d m a n, Excavations at Gözlü Kule, Tarsus, 1937, стр. 30—34. Отчет о раскопках Тарса в 1937 г., давших значительные архитектурные, керамические и другие остатки за 4-тысячелетний период существования города от эпохи ранней бронзы до эпохи ислама.

T. R. S. B r o u g h t o n, A Greek Inscription from Tarsus, стр. 55—57. Публикация греческой надписи, найденной в Тарсе в 1936 г., датирующейся вторым консулатом Каракаллы (205 г. н. э.) и свидетельствующей, впервые для Тарса, о существовании в городе в римское время коллегии носильщиков на хлебном рынке (τὸ συνέρχον τῶν ἐν τῇ σειτικῇ ὁμοσφύρῳ).

Rh. S a r g e n t e r, The Greek Alphabet again, стр. 58—59. Статья посвящена вопросам, связанным с датировкой некоторых древнейших памятников греческой эпиграфики

¹ См. С. Я. Л у р ь е, Новые эпиграфические находки в Афинах. ВДИ, 1939, № 1 (6), стр. 155 сл.